

ВЕЧНОЕ ЗДЕСЬ - ВЕЧНОЕ ТАМ

Сквозь века и расстояния

Александр Ващенко

За всю историю мировой литературы немного найдётся поэтических диалогов как таковых - это, прямо скажем, редкий и особый жанр, условия для возникновения которого не всегда складываются приятно. Но тот поэтический диалог, который предлагается сейчас вниманию читателя, во многом беспрецедентный, ему просто нет аналогов. Дело в том, что диалог этот завязался на почве родства традиционных культур, сильно удалённых друг от друга географическими полушариями и средами обитания, цивилизациями и укладами. Но их представители - индеец из Северной Америки и ненец из Западной Сибири - однажды встретившись, пожелали продолжить душевный разговор в стихах. И вот перед нами два созвучных голоса, нашедшие друг друга для того, чтобы высказать самые насущные, самые глубинные мысли и чувства.

Как же случилось, что они вообще нашли друг друга?

Н.Скотт Момадэй, поэт, прозаик, эссеист, драматург и художник-график, происходит из кочевого индейского племени кайова, воинов и охотников на бизонов, когда-то храбро отстаивавших свои земли от натиска американской армии и бесконечных волн белых поселенцев.

Первым из своих братьев Момадэй получил известность именно как индейский писатель. В США какое-то время никто не мог понять, что это значит: индейцев вообще ведь списали в небытие. А тут опять "Последний из могикан"... Но Скотт Момадэй оказался первым - он стал основоположником современной литературы индейцев США. В романе "Дом, из рассвета сотворённый" (1968), неожиданно для американской общественности получившем престижную премию Пулитцера, Момадэй раскрыл глубинные проблемы современных индейцев, показал коренные различия в системе ценностей индейской культуры и американской цивилизации и выразил гордость своим наследием, как и уверенность в его будущем.

А дальше? Способность к обострённому переживанию красоты и таинства бытия, требующая не менее удивительного таинства речи, неизбежно привела Момадэя на стезю поэта.

Лирика Момадэя обнаруживает не меньшую гамму влияний, чем его проза: здесь не только американские классики Дикинсон, Фрост и Уинтерс, но и индейская устная традиция - песни кочевников степей и земледельческих племён Юго-Запада США, особенно же наследие "вещих" и воинских песен... Образы, навеянные аборигенной магией, в сочетании с особой мелодикой и ритмом поэтической речи, завораживают читателя, вовлекая его в некое сакральное действие в мире одухотворённого слова.

Последующий творческий путь Н.Скотта Момадэя был долгим и плодотворным - он длится уже свыше четырёх десятилетий. На счету писателя - романы "Дом, из рассвета сотворённый", "Древнее дитя" (1989), повесть "Путь к Горе Дождей" (1969), драмы, мемуарные произведения, эссеистика. И, конечно, поэзия.

Вероятно, всё могло бы сложиться как-то по-иному; но случилось так, что с 1974 года судьба автора пересеклась с Россией - Момадэй был направлен в качестве первого Фулбрайтовского лектора преподавать в МГУ сроком на полгода.

После лекций оставалось немало свободного времени, и, постигая незнакомую страну, Момадэй активно ходил по музеям, стал много рисовать. Позднее он категорично признается: "Как художник-график я начался в России".

Уже тогда, однако, Момадэй признавался знакомым в давней своей мечте: побывать в Сибири, откуда, согласно древним преданиям, происходят его предки-индейцы. В то время, правда, этого осуществить ещё не удалось. Но в 1994 году вместе с группой индейских студентов по приглашению ненецкого художника Леонида Лара Момадэй уже едет в Сибирь - отсюда и берёт начало в его творчестве сибирская эпопея; отныне Сибирь властно повлекла его за собой.

Не менее важным притягательным стимулом для сибирских странствий индейского поэта стала для Момадэя самоидентификация с Медведем как тотемическим предком его рода. В музее Тобольска он впервые увидел предметы, связанные с культом Медведя и Медвежьим игрищем хантов. Поэтому, не задумываясь, Скотт принял приглашение известного писателя Еремея Айпина приехать на празднование его 50-летнего юбилея в июне 1998 г.

К тому времени в моём переводе в США уже вышла книжечка избранных произведений Айпина, "I listen to the Earth" (1995), и, ознакомившись с главой

из романа "Ханты или Звезда Утренней Зари", посвящённой Медвежьему игрищу, Момадэй уже мог почувствовать в себе силы для поэтического диалога. Тогда-то и появились стихи, посвящённые Еремею Айпину и Юрию Вэллу, вошедшие в книгу "В доме медведя" (1999). Даже само её название - "В доме медведя" - косвенно отсылает нас к Медвежьему игрищу. Непосредственно сибирско-медвежья тема трижды представлена в составе книги.

Можно ещё добавить, что индейское имя Момадэя - Юноша Каменного Древа - тоже связано с мифом о медведе, как и имена ряда вождей из его рода...

Юбилей известного хантыйского писателя и государственного деятеля праздновали широко - гости побывали в г. Радужном, Нижневартовске, конечно - на "Торум-Маа", "Земле Богов" в Ханты-Мансийске. Но прежде всего в селе Варьёган, откуда юбиляр родом.

Там же, в селе Варьёган, родился и Юрий Вэлла (Айваседа), оленевод и поэт (р. 1948). Его лирика - лёгкая в полёте, но глубокая и напряжённая мыслью - широко известна и в Приобье, и в Сибири, и за её пределами. Она переведена на ряд европейских и восточных языков. Сам я приложил усилия к тому, чтобы стихи Вэллы на английском появились в США. Среди важнейших сборников лирики Вэллы - "Белые крики" (1996), "Триптихи" (2001); разножанров состав книги "Поговори со мной" (2004), "Земля любви: диалоги" (2009), стихи и проза соседствуют в книге "Нити родства" (2010)...

В Варьёгане оба поэта, индейский и ненецкий, и познакомились. И потом, выехав на Обь, Юрий рассказывал Скотту истории из своего оленеводческого быта, в которых немалое место отводилось медведю. А, надо заметить, Юрий - подлинный мастер устного рассказа. Эта устность ощущается и в его стихах, и в прозе, а написаны они так, будто автор сам прожил жизни множества своих героев - знакомых, сельчан, попутчиков и многих-многих других...

В книгу Момадэя "В доме медведя" вошло и стихотворение, в котором поэт ассоциирует себя с главным героем медвежьего игрища. Из текста видно, как глубоко захватила автора тема самопожертвования Медведя и почитание его родичами-людьми. В стихотворении пронзительно звучит крик одиночества и жажда приобщения к человеку.

Вот оно.

ПРИЗЫВАНЬЕ.

Юрию Вэлле.

Где медвежий доктор? Где же он?

Я пришёл с севера, я возжаждал.

Я пришёл с востока, я взалкал.

Я явился с юга, я изнемог.

Я явился с запада в нужде великой.

Где медвежий доктор? Где же он?

В жизнь свою я изведаль зла.

В жизнь свою я изведаль добра.

Я явился с рассвета - и пою.

Я явился с заката - и пляшу.

Я с гор спустился, чтоб умереть.

Я дом свой оставил, чтоб в путь пуститься.

Где медвежий доктор? Где же он?

Кто обрядит меня в дорогу?

Москва, 1997.

"Призыванье", по-видимому, ждало своего часа, когда делегация сибирских литераторов коренного происхождения побывает с визитом в Институте Искусств Американских Индейцев под Санта-Фе. Поэты с разных концов земли читали здесь свои стихи, студенты и гости обсуждали проблемы коренных народов, судьбы их языков и литератур. С российской стороны приехали Еремей Айтин, Марина Айтина, Юрий Вэлла, Мария Вагатова и Александр Ващенко. А Юрий Вэлла, как член делегации не только написал путевые очерки, но по свежим впечатлениям от поездки - всё-таки это тоже был диалог этапного значения - пожелал откликнуться на стихотворение "Призыванье".

Так начался тот самый диалог двух поэтов.

Если Момадэю свойствен медитативный, драматичный поэтический настрой, то Вэллэ более близок тон оптимистичный, взывающий к живому участию в потоке событий. Таков по духу был его ответ Момадэю:

Н. Скотту Момадэю слова мои

Вот он я, здесь!
Возле тропы твоей тебя ожидаю!
Всю мою жизнь – брата равного не имел.
Всю мою жизнь – попутчика равного не имел.
Мы б с тобой шагами померялись.
Мы б с тобой рыком поменялись.
Мы б с тобой взгляды скрестили.
Только наша общая тропа пусть тесной не станет!
Вот он я, здесь!..
В круг твоих родственников войдём.
Меж моих родственников прошагаем.
На чьей стороне скверные слова отыщем?
На чьей стороне добрые слова услышим?
Детей своих величиной с шишку сосновую – созови.
Детей своих величиной с листочек берёзовый – созову.
У играющих детей пусть шаги лёгкими будут.
У танцующих детей пусть душа свободной станет.
Как и я, от слов страдающего – не встречал.
Как и я, от песен плачущего – не видывал.
В жизнь свою, если ругань слышал – растеряй!
В жизнь свою душой изведенные боли – растеряй!
Это было, чтоб точность слов чувствовал – испытание.
И вот я здесь!
Возле тропы твоей тебя поджидаю!
Ты думаешь – это я тот, кто должен тебя оживить?
На самом деле – это ты меня оживляешь!

Сибирь-2010.

Примечательно, что по своему поэтическому строю, по стилю - у Вэллы мы находим тонкое продолжение тональности, предложенной Момадэем. По содержанию же - пред нами признание в родстве души, а по сути, в системе ценностей, тогда как на глубоко интимном уровне - стремление подбодрить и разделить те же чувства. Признание и переключка аксиологического родства (семья - животные - общая тропа - круг родичей - дети - слово - песни) - превращается отныне в основную тему диалога, а см диалог становится осознанным с обеих сторон процессом.Его участники словно бы

ощущают, что помимо них есть ещё родственники разных поколений - ради них, их будущего и тянется дальше сам диалог.

Н.СКОТТ МОМАДЭЙ

В лесу

Брату моему Юрию Вэлле.

О, брат мой,
Слышу поступь твою в лесу.
Шаг твой твёрд и размерен.
В нём – эхо твоего сердца.
Ступаешь ли ты среди следов медвежьих –
Пусть Медведь тебе будет вожатым.
Придёшь ли на поляну среди деревьев –
И там начнёшь свою пляску.
Затянешь ли песни Старейшин –
Те, которыми они освящали землю.
О, брат мой,
Я слышу шаги твои и твои песни.
Сегодня я выйду плясать с тобою.
Возликуем же вместе
Нашей сутью медвежьей!
Поддержим огонь очагов священных!
Айии!

США - 2012

Как можно видеть, разговор продолжается отныне в терминах близкого родства ("Брат" у Момадэя, слово, которому Вэлла пытается подобрать более ёмкий ненецкий синоним Нямэ-э). Поэт также всё больше вводит в стилистику Момадэя ненецкие интонационные и устнопоэтические обороты, стремясь к конкретизации образа, в отличие от обобщённой символики, больше присущей Момадэю.

Юрий ВЭЛЛА

Пусть так оно и будет

Для моего Ня - Н. Скотта Момадэя слова мои*

Айии! – Точно так!
Так оно, оказывается, и было!
Я думал, лес приглушает звуки,

Но ты расслышал мои шаги.
Я старался беззвучно ступать
Средь следов звериных,
Но ты, мой Ня!
Ты почуял колебания моего сердца.
Ты распознал и шаги мои,
Что были вплетены
В звуки древних песен Старцев.
Ты нащупал эхо моего сердца,
Хоть я успешно приглушал его удары
В лабиринтах Медвежьих Плясок.

Пусть в веках поют наши дети —
Что подобны шишкам сосновым!
Пусть в веках танцуют наши внуки —
Что похожи на листья берёз!
Соберутся вокруг очагов священных,
Чтоб возрадовать себя песнями,
Сказками и легендами,
Что мы успеем им передать.

А то, что не сумеют от нас перенять,
Пусть сочиняют сами...

Тот, кто должен петь,
Чтоб ему свободно пелось!
Тот, кто способен танцевать,
Чтоб ему легко плясалось!
Тот, кому суждено лицедействовать,
Чтоб талантливо играл и в фельетонах,
И в божественных сценах!
Так было всегда
И должно быть и в будущие времена!
Пусть возликуют пляской
Нашей общей Медвежьей сути!
Пусть в Священный Бор
Свезут дары жертвенные,
Дары щедрые,
Чтоб равнозначны мольбам-пожеланиям!
Пусть наденут на лица маски
И дружно ударят в бубны!..

А зверь звериной тропой
Пусть вечно спускается с Водораздела.
А потомки мои и твои с заточенными стрелами

У тропы той пусть всегда настороже.
Айии! Мой Ня!
Пусть так оно и будет!

Сибирь - 2012

"Для кровного старшего брата есть слово Ытя. Но есть более тёплое, широкое и часто используемое слово Ня – это и старший и младший кровный брат, это и двоюродный и названный брат, это и попутчик в дороге и соратник-напарник в делах, это и собеседник и единомышленник, это просто близкий человек, с которым хочется общаться и быть вместе. Поэтому Ня, по сравнению с Ытя, более ёмкое, более точное, мне кажется, слово, именно в том значении, в котором употребил слово Брат Н. Скотт Момадэй", - примечание Юрия Вэллы.

Стихотворение Вэллы становится благопожеланием на будущее, которое вырастает из союза двух родственных сердец, способных сквозь время и пространство ощутить общий ритм биения.

Н.СКОТТ МОМАДЭЙ

Следы

Посвящается Юрию Вэлле

Брат мой родной,
Слышал я странный рассказ:
На обряд ночной пришёл человек.
Был он наряжен в богатое платье,
Добрым был мех
И прекрасна душа его.
Он встал у края общего круга
И был безмолвен.
Ни слова,
Ни песни из уст его,
И никому он не был ведом,
Только чуяли все,
Как он могуч,
Как велика его тайная Сила...
А когда всё кончилось,
Он исчез.
Отправились люди за пределы круга,
Чтоб отыскать его след.
Но не было там
Человечьего следа,
Были только следы Медведя...

О, брат мой,
Не твой ли след это был?
И уж не ты ли принёс на обряд
Всю мощь Хозяина Тайги?
Не ты ли эту ночь освятил
И звёзды приблизил с ночных небес?
И люди запомнят ли тебя
В добротном мехе шубы
Или в могучей красе души?

Я жажду пройтись с тобой по тайге,
Чтоб глубокий след оставить в снегу.
Мы поведаем священные Сказы!
Мы затянем священные Песни!

США - 2012

Как можно видеть, Медведь становится важным межкультурным фактором, рожающим доверие и глубину понимания между участниками диалога. Теперь он - необходимый посредник между родичами, по воле истории удалёнными на тысячи миль друг от друга. Медведь властно снимает это расстояние. В самом деле, Медведь - наш древнейший странный общий родич... Рассказывают, будто во Франции, в пещере Ляско, знаменитой изображениями зверей, оставленными первобытными людьми, посетителя как-то провели в более древнюю пещеру, куда туристов не водят. Там на полу лежали рядом два скелета - человека и медведя. Вот только ноги человека были приложены к ногам медведя, а медвежьи - к человеческим...

В третьем обмене стихотворениями оба участника почувствовали себя на месте Медведя - примерив на себя по необходимости, каково это - побыть одновременно и духом, и жертвой...

В дальнейшее развитие диалога между двумя поэтами вторглись драматичные жизненные обстоятельства. У Скотта Момадэя это было связано с развитием диабета, так что свои новые стихи на поэтическом вечере в Санта-Фе он вынужден был читать, сидя в кресле на колёсиках. В случае с Юрием Вэллой это означало операции на лёгких, а потом и проблемы на стойбище, когда в засушливое лето 2012 года сгорели жилые постройки вместе с пожитками... Но, несмотря на это, желание продолжить диалог осталось.

Юрий ВЭЛЛА

Мой сон

Н. Скотту Момадэю сон мой для предсказания

Ты, Нямэ-э, спрашиваешь:

Был ли я

На святилище том?

Прошлой ночью

Видал я сон:

Как в облике Медведя

Со Спины Земли я спускался,

Чтоб после берложного сна

Встряхнуться,

Проснуться,

Взбодриться,

Оживиться!

Оказывается, я очень проголодался,

Оказывается, я очень обессилел,

Оказывается, в теле моём иссякла

Сама Жизнь...

В тайге не нашёл ничего съедобного.

Среди оленей

В собственном стаде

Не хватило мне сил

Зарезать самого немого

Отставшего Оленёнка...

А когда меж людей проходил,

Слышал их голоса со всех сторон:

«На, вот это съешь!

На, вот это съешь!

На, вот это...»

Когда я взгляделся

В их протянутые ладони,

Там не было ничего съестного!

В ладонях у иных –

Для торговли золотые монетки.

В ладонях у иных –

Лоскуты тканей для шитья одежды.

В ладонях у иных –

Для женских голов нарядные шали.

Что же из этого,

Я оголодавший,

Могу съесть?

Для чего мне – Медведю

Такие богатства?
Неужели
Они приняли меня
За Божество?

Самый старший из них
Сказал мне:
«Когда-то ты был человеком,
Теперь ты принял облик Зверя.
Когда-то ты жил среди нас,
Теперь ты к нам вышел из тайги.
Неужели отдельно жить лучше?»
- Конечно,
Отдельно от вас жить не лучше мне.
Но с Царской казённой протянутой ладони
Вам питаться понравилось.
Собственными усилиями рыбачить,
Собственными усилиями охотиться,
Собственными усилиями пасти оленей
Вы, похоже, совсем перестаёте.
Царские чиновники
В ваши карманы
Дармовые золотые монетки
Обильно ссыпают
За вашу любовь.
Вероятно,
Чтоб вы стали подслеповатыми?
А я не люблю золото,
У меня от него
Изжога...

Самый старший опять сказал:
«Давай, через этот костёрчик прыгнем.
Если через огонь прыгнешь –
Опять человеком станешь».
Я посмотрел на костёр,
Разве это костёрчик? –
Это огромный кострище пылает!
А мы
Вокруг священного огня
Приготовились к жертвоприношению.
Нам бы выпросить у богов
Одного добротного дня,
Когда у добычливого юноши
Под лыжами будет бодрое скольжение!

Нам бы выпросить у богов
Второго добротного дня,
Когда у удачливого юноши
Под пятками будет весёлое поскрипывание!
Нам бы выпросить у богов
Третьего добротного дня,
Когда женщина сможет достичь
Возраста Белого Шва,
А дочь её сможет достичь
Возраста вскармливания Младенца!..

И я, разбежавшись,
Прыгнуть решился через огонь,
Потому что подумал:
«Может быть Я – жертва?»
Но кто-то повис на мне.
Помню, я рвался
Через костёр сигануть,
Но кто-то сильный
Плечи сдавил –
Не пускал,
Тормошил
И кричал мне на ухо:
«Что же ты делаешь!
Посуду больничную ломаешь!
Немедленно просыпайся!
Пока не поранился...»
Я оглянулся кругом
Глазами спросонок:
Оказывается,
Я в больничной палате,
Пытаюсь прыгнуть
Через столик больничный,
А на нём больничная посуда
И больничные инструменты.
А доктор ночной
С медсестрой больничной
Повисли на обоих моих плечах
И пытаются меня приручить,
Присмирить,
Сделать послушным –
Больничным.

А сегодня
Внимательно осмотрел я себя:

Ах, что же это –
Подол моей одежды поджаренный,
Подол моей одежды подпалённый.
Когда же это случилось?
Ведь в больничной палате
Не было открытого огня...
Ты, Нямэ-э, спрашивал,
Был ли я
Возле того священного костра,
Где наши с тобой родственники
Общались с божествами?
Знаю точно:
Во сне – был!
Но отчего
Огнём подпалён мой подол –
Наяву?

4-5. 09.2012. Нижневартовск.

Это - самое объёмное стихотворение "диалогов", в котором автор объединяет вместе много наболевших тем. Диалоги в целом пронизывает тема священного прозрения, а в данном стихотворении она становится главной. Больничный бред оборачивается вещим сном, соплеменники отходят всё дальше от уважаемых дедами трудов, тогда как смена ценностей превращается просто в смену цен. От лица Медведя автор спорит с современностью, ставя перед нами вопрос: в чём главное содержание жизни? И ещё: ведь естество поэта - рваться в неизведанное, запредельное, даже вопреки реальности. Поэтому больничный доктор (который вообще-то выполняет свой долг) выступает одновременно и в роли двойника тех, кто хотел бы "присмирить" поэта, "приручить, сделать послушным".

И наконец, налицо глубинная готовность поэта-пророка к самопожертвованию, если оно понадобится для народного выживания.

Н.СКОТТ МОМАДЭЙ

Письмо Юрию Вэлле

В сумерках
Средь духов лесных
Тебя нахожу,
И узнавание былое приходит к нам.
Нашу встречу
Любовь да почтение привечают.
Ты сын мне, а я - тебе.

Мы пируем в рассказах о жизнях наших
И пляшем на тропах медвежьих.
Мы поём о богах и героях,
Завещавших нам мужество и надежду.
Ты брат мне, а я - тебе.

Нам ведомы таёжные чуда.
Болота и реки,
В которых звери - это посланцы,
Что приносят нам сны о других мирах.
Ты отец мне, а я - тебе.

И той же мы древней крови,
И из тех же костей
Наших предков священных.
Ты дед мне, а я - тебе.

Мы славу пьём в словах изначальных.
В молитвах Творения и доброславия.
И живо в нас нечто столь же святое
Вечное там - вечное здесь.

США, 2013

Юрий ВЭЛЛА

Бабушкины ценности

Моему Ня - Н. Скотту Момадэю

Когда-то
Мне Бабушка говорила:
"Уходя в дальнюю дорогу,
Возьми с собой ценности вечные -
не обмани,
не укради,
не навреди,
не убей;
не откажи
в помощи слабому;
не позволяй,
чтоб обижали твоего ближнего;
не нарушая
своих родовых обычаев;

не оскверняй
и чужие святыни!
А возвращаясь из странствий,
окажи почтение
Отцу и Матери!"

Твои строки, мой Ня,
Мне напомнили бабушкины мудрости.
Может и иным
Напомнят что-то святое?
Ведь сегодня
В окружающем мире
Так спутались ценности
Ложные с истинными!...

Будь мне мудрым дедушкой,
Чтоб я стал разумным внуком.
Будь мне сильным отцом,
Чтоб я стал твоим ведомым.
Будь мне общительным братом,
Чтоб в делах у меня был напарник.
Будь мне старшим сыном,
Чтоб в душе я искал, что сказать тебе.
Будь мне младшим внуком,
Чтоб я просто взял тебя за руку.
Стань мне правнуком,
Чтоб в тебе я искал продолжение себя...

А вокруг нас
Пусть будет благословенный мир -
Солнце, ветер, тундра, олени!
А песни наши,
Что одними концами от Медвежьих Игрищ идут,
Пусть будут легки для звучания!

02.2013, Стойбище-на-Тюйтяхе

*Слова Н.Скотта Момадэя на русском языке даны в переводе А.В. Ващенко,
Москва, МГУ.*

Завершающая диалог пара стихотворений последовала после некой временной паузы; участников диалога сильно сблизили взаимные чувства предыдущих откровений и, быть может, оттого в финальном стихотворении проявились черты итоговости, качество финального обобщения. Хочется верить, что благодаря этому диалогу, быть может, в

дальнейшем обе литературные традиции - индейская и коренных народов Сибири - станут сильнее ощущать свою близость, смогут развиваться чуть с большим "чувством локтя". Воистину, главная мысль в качестве вершинного вывода прозвучала в последней строке стихотворения Н.Скотта Момадэя: "Вечное там (то есть, в народном прошлом) - вечное здесь (то есть, эти ценности остаются неизменными - и, хочется добавить, неразменными).

Сложившийся диалог примечателен сам по себе - в нём состоялось узнавание родичами друг о друге (и друг друга) через моря и океаны, через столетия взаимной изоляции. Он примечателен также своей глубокой естественностью, искренностью и внутренней свободой.

Однако, как представляется, главной ценностью состоявшейся поэтической переклички является искренняя декларация основополагающих человеческих ценностей. Они ясно и детально развёрнуты здесь, выражая глубинные чаяния авторов как выразителей традиционных культур. Интересно, что в диалогах Момадэя и Вэллы нет предмета для спора - зато есть глубокая тревога за судьбы мира.

Но прежде всего, думается, эта поэтическая перекличка важна как урок нам, живущим не "вечным", а от выборов до выборов, по внешним ранжирам, теряющим смысл, подчиняясь искусственным нормам, всё далее уходящим от изначального естества, от нашего дальнего-дальнего родича, Медведя. А он, похоже, по-прежнему всё надеется объединить всех нас - как мощный дух матери-природы, как могучий символ нашей огромной, всеобъемлющей страны...

Автор комментариев к поэтическому диалогу Юрия Вэллы и Н.Скотта Момадэя Александр Ващенко.